

С.Н. Хомченко**Военнопленные армии Наполеона в Оренбургской губернии.**

// Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции. Можайск. 2009. С. 360-386.

[360]Для содержания пленных, взятых в ходе Отечественной войны 1812 года, Оренбургская губерния была назначена в числе первых, согласно предписанию Главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова от 29 августа 1812 г.¹ Она же являлась одной из самых удаленных территорий Российской империи, где содержались военнопленные.

Первые пленные были высланы сюда из Москвы по распоряжению московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина между 20 и 24 августа 1812 г. со штабс-капитаном Станкевичем в числе 1 штаб-офицера (полковника вюртембергского 3-го конно-егерского полка графа Э.Т. Вальдбург-Вюрцзаха), 5 обер-офицеров и 293 нижних чинов. После 25 и 28 августа туда же были отправлены еще две партии, в первой из которых было 14 обер-офицеров, 919 нижних чинов, 4 дезертира, а во второй – 15 обер-офицеров и 492 нижних чина. После прихода партий во Владимир и смены конвоя, до места назначения пленным должны были сопровождать ратники Владимирского ополчения.²

Оренбургский военный губернатор Г.С. Волконский, получив 9 сентября 1812 г. извещение от Ростопчина, уже на следующий день начал подготовку к приему пленным. Он распорядился размещать прибывающих в крепостях вдоль Оренбургской пограничной линии, при этом был составлен список крепостей с предварительным числом размещаемых, коменданты крепостей получили соответствующие распоряжения, а 13 сентября для личного контроля подготовки к размещению вдоль линии был направлен есаул Лысов 2-й. Комиссии Оренбургского провиантского депо было предписано приготовить с запасом хлеб на будущий год на пленным и охрану по 50 казаков или башкир на каждую крепость.

Коменданту Оренбургского гарнизона генерал-майору Гартценбергу была дана инструкция, в которой, в частности, предписывалось [361] «иметь за пленными строгое наблюдение не только через войска, но и через самих жителей и оным подтвердить строжайшим образом, чтоб они в домах своих на виду пленным не оставляли никаких орудий, могущих причинить вред, как то топоров, ножей, кос и т.п. <...> Всем жителям подтвердить в обращении с пленными избегать каких либо неудовольствий». В ночное время разрешалось осведомляться по квартирам, нет ли кого из постояльцев в отлучке, не допускать пьянства и своевольства между ними.³

11 сентября начальник Владимирского ополчения генерал-лейтенант князь Б.А. Голицын сообщил Волконскому о выходе из Владимира в Оренбург четырех партий, в которых насчитывалось: в первой, под командой поручика Макарова – 174 нижних чина и 17 дезертиров; во второй, подполковника Языкова – 12 обер-офицеров, 848 нижних чинов и 4 дезертира; в третьей, капитан-лейтенанта Булыгина – 15 обер-офицеров и 465 нижних чинов; в четвертой, прапорщика Комсена – 135 нижних чинов и 17 дезертиров. Понятно, что о второй и третьей партиях речь шла в распоряжении Ростопчина, однако они уменьшились на 2 обер-офицеров, 71 нижнего чина и 27 нижних чинов соответственно. В начале ноября Волконский получил из Симбирска уведомление об еще двух партиях, следующих в Оренбург. Прапорщик Петров (в Симбирске его сменил прапорщик Мякишев) вел из Воронежа 1 штаб-офицера (очевидно майора польского 1-го конно-егерского полка Людвика Монтрезора), 9 обер-офицеров, 207 нижних чинов, а прапорщик князь Чанышев – 10 обер-офицеров, 186 нижних чинов и 3 дезертиров.⁴

Показательной является история одной из этих партий. Как уже говорилось, в конце августа из Москвы выступила партия пленным в составе 14 обер-офицеров, 919 нижних чинов и 4 дезертиров. В начале сентября партия достигла Владимира, где руководство ею принял подполковник Владимирского ополчения Языков с неизвестным числом ратников

того же ополчения. К моменту выхода из Владимира партия сократилась до 12 обер-офицеров, 848 нижних чинов и 4 дезертиров. В середине октября Языков прибыл в Симбирск, имея с собой военнопленных – 12 обер-офицеров, 609 нижних чинов, 4 дезертиров, конвойных – 8 обер-офицеров, 34 урядника, 603 рядовых. Получив довольствие на дальнейший путь, Языков двинулся вдоль берега Волги и через несколько дней переправился у Самары, уездного города Симбирской губернии.

Языков и несколько офицеров въехали в город первыми и расположились в отведенных им квартирах. К месту переправы отправился [362] правящий должность самарского городничего уездный судья И.А. Второв. Он описал положение увиденных им пленнх как самое ужасное. Кто был в силах, шли пешком, дрожа от холода, в одних мундирах, без всякого зимнего платья. Шедших медленно ополченцы погоняли палками как скотину, падавших также били палками; тех, кто не мог встать, клали на телеги, ехавшие следом, по пять человек на одну. Прямо с переправы Второв направился на квартиру Языкова и описал ему свои впечатления от увиденного, изъявляя негодование на обращение ратников с пленными. Однако конвойный начальник одобрил действия подчиненных, заявив, что стыдно жалеть злодеев, наделавших столько бед отечеству. Дальнейшие призывы к милосердию по отношению к несчастным не произвели никакого действия. Несколько позже графини Салтыковы, подошедшие к больным, оставленным в соседнем доме, видели, как двое пленнх вместо предложенных им лепешек грызли до крови свои руки. Во время пребывания в Самаре скончались около 20 пленнх, которые были зарыты у переправы. На следующий день Языков двинулся в дальнейший путь, а Второв известил о происшедшем Оренбургского военного губернатора, назвав главной причиной заболеваний и смертей отсутствие теплой одежды при наступившем холодном времени года. Такой же рапорт отправил и самарский земский исправник Алашеев. Навстречу партии для освидетельствования больных был выслан оренбургский дивизионный доктор Пятницкий, снабженный нужным количеством медикаментов.

26 октября Языков прибыл в Бузулук, уездный город Оренбургской губернии. 27 октября он отрапортовал Волконскому о прибытии с партией, насчитывающей уже 12 офицеров, 439 нижних чинов и 4 дезертиров. Позже, по рапорту бузулукского городничего П. Рейнздорпа, выяснилось, что в течение последующих трех дней из пленнх умерло еще 25 человек. Таким образом, потери этой партии по пути из Владимира в Бузулук, с учетом вскоре умерших, составили 434 человека или 54% (без учета дезертиров). Кроме того, Языков отказался отправлять больных в лазарет, ссылаясь на отсутствие такого приказа, и расположил прибывших по обывательским квартирам, до 20 человек в одной комнате, под предлогом, что пленные могут разбежаться. Некоторые были размещены во дворах домов. Это, конечно же, способствовало дальнейшему распространению болезней. Когда же Рейнздорп настоял на перевозке больных в лазарет в д. Погромную, Языков не оплатил выделенные для этого подводы. Приехавший вскоре туда дивизионный доктор Пятницкий [363] насчитал среди пленнх до 300 больных. Потери ополченцев также были высоки: из вышедших из Симбирска до Бузулука не добрались 1 урядник и 89 ратников, из остальных до 200 были больны. О поступках подполковника Языкова Волконский отправил представление Главнокомандующему в Санкт-Петербурге. Трудно сказать, что стало причиной такого отношения к полученному заданию и явного нарушения инструкции сопровождения, в которой предписывалось оставлять заболевших в лазаретах до их выздоровления. Возможно, здесь дело в суровом характере Языкова. Позже до Самары дошли слухи, что он был отдан под суд за свое варварство. Следствие над Языковым действительно состоялось по отношению Вязмитинова в Военное министерство в декабре 1812 г., однако причиной суда мог стать и другой проступок Языкова – во время отправления 4-го полка Владимирского ополчения в Минск в феврале 1813 г. он без разрешения передал командование ополченцами другому офицеру, а сам под предлогом болезни удалился в свое имение, при этом за время пути из его команды сбежало 8 ополченцев. Для возвращения его в свой полк начальнику

Владимирского ополчения князю Голицыну пришлось обратиться к владимирскому гражданскому губернатору А.Н. Супоневу с просьбой о принятии строгих мер к нарушителю.⁵

Для сравнения можно привести данные по другой партии, шедшей в Оренбургскую губернию несколько раньше. Штабс-капитан Станкевич прибыл в Казань 9 октября, имея в своем ведомстве 1 штаб-, 5 обер-офицеров, 288 нижних чинов, потеряв при этом от первоначального числа 5 нижних чинов. Так как на пленных была летняя одежда, многие были простужены, а один через несколько дней умер. 48 заболевших были оставлены в военном госпитале, а остальные обмундированы по времени года полушубками, суконными панталонами, сапогами и рукавицами, после десятидневного отдыха отправлены дальше и в полном составе вступили в Бугульминский уезд Оренбургской губернии. По прибытии на место здоровые, слабые и больные отдельно друг от друга были размещены на квартирах в разных селениях. Из оставленных ранее 39 выздоровевших были приведены туда же в течение полутора месяцев, о судьбе остальных определенно сказать нельзя. Даже если причислить их к невосполнимым потерям партии, можно подсчитать, что таковые составили 14 человек, или менее 5 %, что можно считать допустимым. Таким образом, соблюдение партионным начальником инструкции сопровождения помогло сохранить жизнь и здоровье многим его подопечным.⁶

[364] Единственной, дошедшей до Оренбурга, была партия поручика Макарова. 165 нижних чинов и 17 дезертиров прибыли сюда 1 ноября, 9 человек умерло в дороге. Все они были опрошены насчет получения в пути продовольствия и отношения партионного офицера, и во всем отозвались довольными. 35 больных были посланы в лазарет Оренбургского гарнизонного полка, остальные отправлены на квартиры в крепость Пречистенскую. 18 ноября прапорщик князь Чанышев рапортовал о вступлении в Бузулукский уезд с 10 обер-офицерами, 178 нижними чинами и 3 дезертирами, указав, что из общего числа 8 человек умерли в дороге. Об остальных партиях сохранились лишь промежуточные сведения, полученные от симбирского губернатора А.А. Долгорукова. Партия Булыгина при выходе из Симбирска недосчитывалась 70 человек, партия Комсена выступила оттуда в полном составе, а в партии Мякишева было известно лишь о 2 недостающих офицерах.⁷

В этих партиях в Оренбургскую губернию прибыли будущие мемуаристы: унтер-лейтенант Э. Рюппель – в партии Булыгина, солдат К. Циммерманн – предположительно, в партии Языкова, капитан П. Ноказ – в партии Чанышева.⁸

Оренбургским чиновником, проявившим гуманизм и высокие профессиональные качества, повлиявшие на сохранение жизней пленных, был уже упоминавшийся дивизионный доктор Пятницкий. После того как военный губернатор получил предварительные сведения о большом числе больных и умерших в прибывающих партиях, он предписал направить навстречу им врача для получения полной картины происходящего, освидетельствования больных и отделения их от здоровых. Этот приказ получил Пятницкий, который с выданными в оренбургской полевой аптеке медикаментами выехал в Бузулукский уезд, пограничный с Самарским (Симбирской губернии). Прибыв на место, он освидетельствовал партии Языкова, Булыгина и Комсена, найдя в них значительное число больных. Главной причиной смертности Пятницкий, как и другие до него, посчитал недостаток теплого одеяния у пленных и плохое содержание заболевших. Он подробно описал течение болезни:

«Болезнь следующего свойства: начало болезни сказывается слабостью во всем теле, ломом в конечностях, наипаче в нижних, сухим кашлем, болью в голове, сухостью языка и кожи. На второй и третий день все сии припадки усиливаются, наипаче боль в голове, на четвертый и пятый день больной впадает в совершенное расслабление, к вечеру биение учащается и боль в голове с бредом усиливаются. [365] Больного томит неутомимая жажда или вовсе оной нет. С тем вместе он теряет бодрость духа и позыв на пищу, делаются запоры низа и сухость кожи. Усугубляется около седьмого, а чаще девятого дня.

Оказывается кровотечение из носа, у некоторых понос, а больше пот. У других превращается она в нервную лихорадку и нередко воспаля какую либо внутренность, наипаче мозговые оболочки, и сам мозг прекращает жизнь больного. Имеющие кровотечение из носа, легкий без рези понос или повседный пот с девятого дня начинают поправляться <...> Из означенного течения болезни явствует, что она есть простудного свойства, истина сия подтверждается тем более, что сухость кожи и кашель во всем ее продолжение постоянно ее сопровождает. Таковые и подобные лихорадки сами по себе не принадлежат к числу повальных и прилипчивых болезней, но при содействии следующих посторонних и вредных влияний могут воспрять и таковые повальные свойства, например:

1) Воздух в закрытых комнатах. Люди размещены в квартирах от 10 до 20 человек вместе и еще несколько человек на дворе.

2) Выбор пищи и питья. Выдаваемого пленным хлеба недостаточно, нужна горячая каша с мясом, а они ели сухой хлеб с водой или дурным квасом.

3) Чистота тела и опрятность в белье. Они белье в походе не меняли более 3 месяцев и не могли мыться. Верхняя одежда замарана, изорвана, ископчена и измочена.

Все это произведет неминуемо в самом здоровом человеке болезнь».

Для облегчения участи больных и избавления обитателей округа от болезни Пятницким было рекомендовано отделять больных от здоровых, располагать в помещениях по несколько человек, заменить им одежду и надлежаще кормить, для дезинфекции воздуха окуривать избы парами усиленной соляной кислоты. В качестве лекарства предлагалось давать настой корня валерианы, мяты, руты, цветов ромашки, ягод можжевельника, по 1 ложке утром и вечером для профилактики, по 2 ложки для больных.

Рапорты об этом он своевременно направлял Волконскому и Гартценбергу, рекомендуя не отправлять партии в Оренбург, а расположить в уезде по деревням, «пока они не снабжены будут для продолжения пути приличной настоящему времени одеждой». Кроме этого, он обратился к одному из своих адресатов Данилу Ивановичу: «Жалостное состояние бедных военнопленных столь велико, что я не могу Вашему Превосходительству оного изобразить, скажу только, что ни один из [366] них кроме изорванного мундира ничем не одет, а обуви у редкого и лапти есть, многие уже обморозились. Следовательно, как скоро морозы прибавятся, то они до одного как тараканы на дороге перемерзнут. Я не нахожу другого способа, как остановить здесь партии и расположить по селениям вокруг Бузулука до тех пор, пока можно будет исправить им теплую одежду. Войдите Бога ради в положение их, доложите князю о всем, я уверен, что князь так милостив, что не захочет далее, можно сказать, почти с намерением морозить людей». В результате начальникам партий и уездным властям было предписано останавливать поступающих пленных на границах губернии и размещать их здесь по квартирам на зиму, отделять больных и отправлять их в больницы.⁹

Пленные стали источником болезней и для местных жителей. По сообщению того же Пятницкого, болели жители пятнадцати населенных пунктов Бузулукского уезда, в которых останавливались пленные, а в пяти селениях 23 жителя скончались. В марте 1813 г. инспектор Оренбургской врачебной управы статский советник Гофман, совершая поездку по селам Бугульминского уезда, где зимой также имелись многочисленные случаи заболеваний, обнаружил лишь 4 больных и отметил серьезную профилактику со стороны исправника.¹⁰

В ответ на циркуляр Вязмитинова от 16 января 1813 г., Волконский 26 февраля отправил рапорт, в котором содержались сведения о количестве пленных в губернии и именной список офицеров. На 15 февраля здесь числилось 2 штаб- и 49 обер-офицеров следующих национальностей: французов – 18, поляков – 15, вюртембергцев и португальцев – по 7, вестфальцев – 2, а также пруссак и итальянец. Нижних чинов насчитывалось 1532 человека. Так как в ведомости говорится только о 3 дезертирах, возможно, что в их число не были включены еще 38 дезертиров. Кроме того, военный

губернатор сообщал, что в пути из проходящих пленных на территории губернии умерло 325 человек.¹¹

В 1813 г. в губернию также прибывали пленные. 11 марта вышло предписание Вязмитинова о доставлении из Вологодской губернии пленных штаб- и обер-офицеров, правда число их не называлось. По его же распоряжению от 5 апреля через Казань в Оренбург был отправлен подполковник (начальник батальона) Ландвуазен. 1(13) сентября из Казани в Бугульму прибыла партия поручика Чудинова в составе 41 обер-офицера и 101 нижнего чина. По распоряжению оренбургского гражданского губернатора М.А. Наврозова они были направлены в уездный г. Мензелинск, куда прибыли 30 сентября (11 октября). В ноябре в губернию вступила партия из Костромы. От Казани эту партию сопровождал квартальный [367] надзиратель Ильин, который привел в Бугульму 62 обер-офицера и 29 нижних чинов. Из них баварцы 2 обер-офицера и 1 рядовой остались здесь, чтобы вернуться в отечество, остальные были отправлены в Бирск, куда прибыли в начале декабря.¹² В этих партиях также находились будущие мемуаристы. Капитан К. Вагевир прибыл в губернию с Чудиновым, а су-лейтенант О. Белэ – с Ильиным.¹³

В том же году через Оренбургскую губернию в Ишим, Тобольской губернии, проходили пленные поляки. Известно о девяти таких партиях численностью не менее 1 штаб-, 28 обер-офицеров, 1 318 нижних чинов и 239 пленными неустановленного звания.¹⁴

В конце ноября из Москвы в Оренбург были высланы за побег из Гродно французские су-лейтенанты Лиор и Франсуа. Капитан Тестар, су-лейтенанты Валюзио, Клио и Пикардо бежали из Минска и, пойманные у границ, в сентябре были отправлены в Уфу, а капитаны Жерар и Краве и лейтенант Ласцен были присланы в Оренбург. В апреле 1814 г. через Саратовскую губернию проследовали 4 военнопленных, отправленных из Вильно в Оренбург за тот же проступок. За «буйство и пьянство» из Тамбовской губернии был выслан французский офицер Демутье. В августе из Вятки за ножевое ранение в пьяной драке гарнизонного солдата Табанакова был прислан унтер-офицер французской службы сардинец Куртезио.¹⁵

Суммируя известные данные, можно подсчитать, что за все время нахождения пленных в Оренбургской губернии, сюда прибыло не менее 4 штаб-офицеров, 167 обер-офицеров, 1 663 нижних чинов, 41 дезертира и 2 женщин.

В ответ на предписание Вязмитинова от 7 мая 1814 г. Волконский сообщил, что со времени появления в губернии пленных по день отправления ведомости (16 июля), по сообщениям городничих и земских исправников, здесь умер португальский лейтенант С. Пьесана, а из нижних чинов в больницах находилось 282 человека, из которых 192 выздоровели, 82 умерли, а 8 оставались больными. В ведомости, составленной в Собственной Е.И.В. канцелярии и помеченной декабрем 1814 г., говорится о 325 умерших нижних чинах. Между тем это устаревшие данные, относящиеся к февралю 1813 г. Очевидно, здесь произошла ошибка с датировкой ведомости, так как и по другим губерниям указываются данные за этот период.¹⁶

Сведения об освобождении из губернии военнопленных весьма неполны. Первым пленным, покинувшим Оренбургскую губернию, очевидно, стал вестфальский унтер-лейтенант Э. Рюппель, в июле 1813 г. [368] выехавший в Саратов для дальнейшего освобождения. Примерно тогда же в Санкт-Петербург был отправлен 31 пруссак. Вюртембергский полковник Э.Т. Вальдбург-Вюрцзах, судьбой которого интересовалась императрица Мария Федоровна, по ее просьбе в августе того же года был отправлен в Санкт-Петербург. Вместе с ним выехали его адъютант, капитан К.Л.Ф. Бац и еще один неизвестный офицер. 1 сентября они в сопровождении сотника Болева проехали Казань. По прибытии в столицу они через Ригу вскоре были отправлены в отечество.¹⁷

В начале января 1814 г. были освобождены вестфалец Бурхар и вюртембергец Франк. Ганноверец К. Циммерманн 17 (29) марта выехал из Бузулука в Бугуруслан, где был назначен сбор пленных немцев из окрестностей. Вскоре отсюда в путь выступили 99 человек в сопровождении помещика И. Жданова. 25 марта в отечество были отосланы 18

голландцев. 17 июня в Ригу была отправлена партия военнопленных Рейнского союза, состоящая из 7 обер-офицеров, 2 лекарей, 90 нижних чинов и 2 женщин.¹⁸

После получения распоряжения об освобождении всех пленных, 24 июня генерал-губернатор Волконский предписал канцелярии Оренбургского казачьего войска назначить одного чиновника для сопровождения двух военнопленных французских офицеров, Сен-Дени и Кравве, из Оренбурга в Ригу. 15 (27) июня 1814 г. за свой счет на родину из Бирска выехали подполковник Ланддуазен и капитан Дюссо, а 3 (15) июля из Мензелинска – 6 голландских офицеров (в том числе Вагевир) и 2 французских. 24 июля/5 августа Бирск покинули все пленные численностью около 56 офицеров и 30 рядовых. После прибытия в Бугульму и последовавшей там остановки на неопределенный срок, Белэ и его друг врач Брюггеман решили ехать в Уфу, надеясь получить у губернатора положенные им, как они считали, деньги на дорогу. Однако того не оказалось на месте и в его ожидании они провели в Уфе месяц. На родину Белэ и Брюггеман отправились лишь 2/14 сентября, достигнув Риги 14 октября.¹⁹

Французский капитан Ноказ отметил, что в августе в западных уездах губернии начали собираться для отправки партии французов. 21 августа (2 сентября) из деревни К... выступила партия из 25 офицеров и 175 солдат, еще около 20 офицеров осталось в К... до соединения с другой партией. 4/16 октября в путь отправилась и партия Ноказа. В ней было 200 солдат, а вот числа офицеров мемуарист не назвал. Зато Белэ, обогнавший их на своем пути, записал имена встреченных офицеров. Тех оказалось девять человек.

[369] В пути, в д. Кичуевской, Бугульминского уезда, с этой партией произошло следующее трагикомическое событие. Прибывшие сюда французы встретили ранее находившихся здесь товарищей, и солдаты решили отметить свою встречу. Они запаслись большим количеством продовольствия и водки. Праздник начался с еды и выпивки и закончился радостным пением и выкриками. Как раз в этот день местные жители отмечали престольный праздник деревенской церкви, собравшись в полуразрушенном сарае. Русские также пили и пели во все горло. Некоторые из них, выйдя на минуту из помещения, посчитали очень плохим, что французские пленные выбрали тот же день, чтобы петь свои, как им показалось, насмешливые песни, в чем крестьяне увидели пародию на свое поведение. Водка с той и с другой стороны разгорячила головы, и русские напали; они призвали тех, кто пел в сарае, и начали вместе прогонять французских солдат. Потом они стали бросать камни на скамьи, которые служили праздничным столом французам. Те ответили на эту непредвиденную атаку другими камнями, брошенными не менее точно. Сошлись ближе и, после неоднократного обмена ударами с той и с другой стороны, крестьяне бежали и были вынуждены даже оставить деревню. Беглецы спали бы под открытым небом, но сотник кантона и французские офицеры сумели примирить победителей и побежденных, восстановить мир и обеспечить русским возвращение по домам.²⁰

Последним военнопленным в Оренбургской губернии, очевидно, оставался уже упомянутый сардинец Ф. Куртезио. По приговору суда он был отправлен в Оренбургскую крепость на бессрочную работу, но по высочайшему повелению прощен и 18 марта 1816 г. выслан за границу.²¹

Желание принять российское подданство в Оренбургской губернии, по данным Особенной канцелярии Министерства полиции, изъявили 40 человек, в том числе лекарь Жиль. Среди них было 24 француза, 5 итальянцев, 4 венгра, 2 вестфальца, 2 немца, австриец, хорват, испанец. 14 были приписаны к мещанскому званию, 10 – к крестьянскому. Трое на момент составления списка (конец 1814 г.) не избрали еще род жизни, один переехал в Казань, один умер. 11 из принявших подданство решили после соответствующего разрешения вернуться в отечество. В других источниках обнаружены имена еще 11 военнопленных, не указанных в вышеназванном списке. Минимум 12 человек, предварительно записавшись в другие сословия, пожелали вступить в Оренбургское казачье войско, что было разрешено высочайшим указом. Из Казанской

губернии в Оренбургскую в 1814 г. [370] переехали французы Бац и Вослер, также став казаками. Еще один француз, Дезире Дандевиль, перебрался также из Казанской губернии в Оренбург в 1829 г. Здесь он был принят в Неплюевское военное училище на должность учителя французского языка.²²

Как уже указывалось, одной из самых распространенных проблем была необеспеченность пленных соответствующей сезону одеждой, так как основная часть их, прибывшая в Оренбург в октябре–ноябре, была взята в плен в июле–начале августа. 4 декабря гражданский губернатор Наврозов сообщил Волконскому, что в Бузулуке и Бугурусланском уезде пленные находятся в весьма ветхом одеянии, некоторые даже не имеют рубашек, а прикрываются даваемой от поселян самой простой одеждой и представляют из себя самое жалкое зрелище. Наврозов просил распоряжений насчет одежды, и 10 декабря военный губернатор приказал одеть пленных за государственный счет и представить отчет о потраченных суммах.

Иногда пленные сами пытались решить проблему одежды. В марте 1813 г. проживавшие в д. Ассели Иоган Ленхевич и Франц Метцлер явились в присутствие Оренбургского нижнего земского суда и объявили, что они имеют серебряные деньги для размена на медные и хотят купить нужную обувь и одежду, которая здесь не продается и деньги разменять некому. Пленные просили отпустить их на четыре дня в Оренбург, что было разрешено военным губернатором.

В сентябре 1813 проблемы с теплой одеждой испытывали и пленные партии поручика Чудинова, прибывшие в Бугульму. Тогда же капитан Шибашев, ведущий пленных поляков из Орла в Ишим, сообщил оренбургскому военному губернатору, что при приеме им партии пленные имели на себе изношенную одежду и обувь. Опасаясь нашествия зимы, он запросил у орловского гражданского губернатора нового одеяния, но тот предписал просить одежду у начальника той губернии, где партию застанет холодное время. В связи с этим просьба была высказана в Оренбургской губернии. Вопросы эти, судя по всему, были решены.²³

Находившиеся в д. Кувак, Бугульминского уезда, 1 штаб-офицер, 5 обер-офицеров и 250 нижних чинов столкнулись с другой проблемой. После прибытия сюда на жительство в середине декабря 1812 г. они более месяца не получали ни жалования, ни продуктов. Первое время по просьбе земского исправника местные жители кормили вынужденных постояльцев в долг, но через несколько недель отказались это делать. Пленные находились под угрозой голодной смерти. [371] Вюртембергский полковник Вальдбург написал об этом Волконскому, особо отметив, что рядовые, хоть и принуждены к тяжелой работе за пищу, еще счастливее офицеров, лишенных этого способа добыть пропитание. Вальдбург просил об облегчении участи пленных и разрешения приехать в Оренбург со своим адъютантом капитаном Бацем и одним солдатом своего полка, дабы поправить весьма расстроенное здоровье, к чему в деревне средств не имелось. Волконский приказал земскому исправнику разобраться с ситуацией, а Вальдбурга и Баца отправить в Оренбург. В феврале 1813 г. они выехали на новое место, но столкнулись со старой проблемой, так как до июня не получали положенного им денежного содержания.

Подобное имело место и в станице Пречистенской, где 139 пленных с февраля по июнь 1813 г. «довольствовались пищей от обывателей, не получая от казны никакого удовлетворения, чрез что пришли в крайнее разорение». Из войсковой канцелярии Оренбургского казачьего войска обратились с просьбой к военному губернатору выделить на них деньги из казны. В марте–апреле 1814 г. прибывшие в Сакмарскую станицу 114 пленных также находились на содержании местных жителей.²⁴

Один вопрос, связанный с выделением денег правительством, вызвал особо бурные эмоции у большинства пленных офицеров. 2 октября 1813 на основании решения Комитета министров главнокомандующий в Санкт-Петербурге Вязмитинов уведомил губернаторов, что не имеющие возможности одеть себя пленные офицеры могут воспользоваться для этого пособием от казны в размере 100 руб.²⁵ В своих воспоминаниях

многие мемуаристы дружно обвиняли губернаторов в полном или частичном присваивании этих денег, назначение которых большинством интерпретировалось совершенно неверно.

Так, Белэ считал эту сумму помощью каждому офицеру, решившему после освобождения отправиться домой за свой счет. При этом он прокомментировал, что таким образом русский царь руководствовался как человеколюбием, так и финансовой выгодой. Всячески облегчая французским офицерам скорейшее возвращение, он якобы избавлялся от забот по их содержанию и от выплаты ежедневного жалования, что в целом выливалось в значительную сумму. При встрече в Уфе с губернатором, которого мемуарист ошибочно называет Волконским, тогда как это был гражданский губернатор Наврозов, тот якобы ответил, что указ о 100 руб. отменен, но потом, сжалившись, выдал им по 50 руб. из собственных средств.

[372] Вагевир сообщил, что император Александр приказал выплатить по 100 руб. каждому пленному офицеру. Отправлявшиеся домой за свой счет шесть голландских и два французских офицера специально заехали из Мензелинска в Уфу, чтобы получить эти деньги. Однако явившемуся делегату губернатор ответил, что не знает о таком указе, и дал письмо к вице-губернатору с просьбой прояснить ситуацию. Но к тому офицеры не пошли, решив, что эти деньги чиновники присвоили, а настойчивость может привести их в тюрьму. Поэтому, решив жаловаться на губернатора в Москве, офицеры поспешили покинуть Уфу.

Между тем 24 июня 1814 г. Волконский предписал Оренбургской Пограничной комиссии представить ему 1000 руб. из суммы, накопившейся от процентов с пожертвованных денег на заведение здесь Неплюевского училища. Эти деньги Волконский выдавал офицерам, уезжающим из Оренбурга, убеждаясь, как писал он, «неимущественным их состоянием и, желая по личным их просьбам облегчить их участь, дать благопристойные средства к возвращению их в отчизну».²⁶

Практически точку в этой проблеме ставит недавно обнаруженный нами документ. Это отношение Вязмитинова на имя оренбургского гражданского губернатора от 30 июля 1814 г.: «Ваше Превосходительство! Упомянутые вами в представлении от 27 июня меры, принятые при отправлении пленных, я одобряю, поелику деньги по 100 руб. велено выдавать тем пленным офицерам, кои совершенную претерпевают нужду в одеянии».²⁷ Очевидно, что деньги выдавались не всем, начались жалобы, и этот чиновник подстраховался, направив представление в Санкт-Петербург и получив одобрение своим действиям. Мало того, это однозначно трактует политику высших властей в отношении этих выплат как выдачу денег только нуждающимся и распространяется, таким образом, на все губернии.

Нарекания в исполнении служебных обязанностей вызывал гражданский губернатор Наврозов. В частности, он задерживал отправление некоторых пленных, получивших свободу по соответствующим распоряжениям. Так, в апреле 1814 г. в Оренбургской губернии еще находились баварцы (освобождены 17 октября 1813 г., распоряжение получено в ноябре), вюртембергцы (освобождены 11 ноября, распоряжение поступило в середине декабря), вестфальцы (освобождены 28 ноября, распоряжение получено около 23 декабря). В итоге 101 военнослужащий Рейнского союза, в том числе 9 офицеров, отправились из губернии лишь 17 июня 1814 г. Но особо не повезло 52 испанцам, которых еще в конце 1812 г. надлежало отправить в Санкт-Петербург. [373] Вместо этого они и в мае 1814 г. еще оставались в плену. За столь медленное исполнение высочайшей воли главнокомандующий в Санкт-Петербурге сделал Наврозову замечание.

Кроме этого, когда летом 1813 г. на родину отправлялись прусские военнослужащие, 31 представитель этой нации был отправлен из Оренбурга под военным караулом, как преступник. Причиной этого стал недосмотр властей и оформление отправляющейся партии по военному ведомству, а не по гражданскому, как должно было быть. Трудно

сказать, кто именно не проследил за освобождением пруссаков, но запрос Вязмитинова по этому делу поступил на имя оренбургского гражданского губернатора.²⁸

Намеренные или случайные нарушения закона, связанные с военнопленными, не были редкостью, причем большинство из них носило бытовой характер. Поэтому военнопленные здесь выступали и как виновные, и как потерпевшие.

11 апреля 1813 г. в татарской д. Аблязово, когда большинство местных жителей находилось в мечети, трое из десяти находящихся здесь пленных возле амбара татарина Каримова развели огонь, после чего, взяв головни, воткнули их в дрова его соседа Халилева. Заметив огонь, жена Халилева попыталась потушить его снегом, но пленные, не допуская ее к огню, жестоко избили. На шум прибежали находящиеся в деревне солдаты Геитбаев и Гибучеришитов, а также двое местных жителей, которые также хотели потушить огонь снегом, но вновь пленные им воспрепятствовали. Жители, выйдя из мечети на крики, с трудом смогли погасить разгоревшееся пламя. Находившиеся тут же пленные угрожали все равно сжечь селение и убить жителей, называя себя давно уже лишенными голов. В расположенной неподалеку крепости Пречистенской пленные также «чинили разные хозяевам домов, где квартируют, обиды». Кроме того, многие, «ходя по улицам и сидя на повете курят трупки без всякой от огня осторожности, отчего неоднократно делали зажиг». Военного губернатора просили перевести пленных в крепости на Уральскую линию, где контроль над ними со стороны казаков был бы более строгим.²⁹

В начале 1814 г. на запрос военного губернатора о судимых среди пленных, высланных в крепость Илецкая защита, был предоставлен список из четырех человек, двух французов, голландца и австрийца, правда, неизвестно за какие преступления они были наказаны.³⁰ В мае того же года в губернии произошло сразу два убийства с участием пленных. Француз Герир убил новокрещенного чуваша Алексева, [374] а испанец Рохо – своего земляка Лезано. Оба убийцы были преданы суду согласно российскому законодательству.³¹

7 июня 1814 г. в Бирске французский лейтенант Шарль Марешаль, «купавшись с пленными офицерами против города в реке Белой от собственной неосторожности утонул». В ходе следствия виновных в его гибели найдено не было, сами же пленные удостоверили, что они никакой с ним ссоры не имели, а обращались с Марешалем дружелюбно. Присутствовавший при трагедии Белэ более подробно описал ее, но для усиления драматизма перенес события на август, в канун отъезда домой: «Поскольку погода стояла великолепная, пришла в голову роковая мысль искупаться. И вот пловцы с веселыми шутками бросились в воду. Все шло прекрасно, как вдруг Марешаль испустил крик. Мы едва успели посмотреть в его сторону, как он исчез в водовороте, в который его угораздило попасть. Через мгновение он снова появился; мы видели, как он взметнулся, и все было кончено, вода сомкнулась над его головой. Напрасно самые бесстрашные ныряльщики тщательно искали его в этой широкой и глубокой реке, их усилия были тщетны... Только на следующее утро его обнаружили нанятые нами рыбаки».³²

В целом, мемуары, хоть и не являются полностью достоверным источником, но хорошо дополняют архивные материалы и в основном, не противоречат им и друг другу, а также дают полезную информацию о жизни в российской провинции иностранцев. На сегодняшний день нам, как уже указывалось, известно пять мемуаристов, проведших определенное время в Оренбургской губернии. Это унтер-лейтенант вестфальского 2-го гусарского полка Симон-Эдуард Рюппель (находился здесь с октября 1812 по июль 1813) г., солдат французского 9-го легкоконного полка ганноверец Кристоф Циммерманн (с октября 1812 по март 1814 г.), капитан французского 2-го конно-егерского полка Пьер Ноказ, чьи мемуары были изданы анонимно³³ (с ноября 1812 по октябрь 1814 г.), капитан французского 125-го линейного полка голландец К. Вагевир (с сентября 1813 по июль 1814 г.), су-лейтенант 36-го линейного полка француз Онорэ де Белэ (с ноября 1813 по сентябрь 1814 г.).

О представителях власти мемуаристы отзывались, как правило, весьма субъективно. Рюппель назвал капитан-лейтенанта Булыгина, сопровождавшего их в Оренбург, прекрасным и очень гуманным человеком. Военного губернатора Волконского вестфалец описал как дружелюбного старичка с длинной косой и припудренными волосами и объяснил, что тот, играя большую роль при императрице Екатерине II [375] и почитая ее, одевался по моде тех времен и имел много странностей, носивших на себе печать добродушия. В губернии он обладал большой властью, которой не злоупотреблял.

Циммерманн жаловался на жестокость начальника партии (предположительно – Языкова). По словам мемуариста, тот не выдавал им жалование, присваивая все себе, а хлебный рацион постоянно ухудшался как по количеству, так и по качеству.

Ноказ писал о начальнике партии прапорщике князе Чанышеве, что это был злой человек. Однажды вечером, чтобы заставить шедших по грязи французов пройти мимо деревни, куда те хотели зайти, он приказал своим подчиненным бить пленных солдат палками. Только обращение русского сержанта к пленным офицерам помогло исправить ситуацию. Волконского Ноказ лично не видел, но много слышал о его чудачествах. При этом он отметил, что, несмотря на особенности характера князя, у него доброе сердце. О бугурусланском городничем он сообщил, что тот всегда был к ним справедлив и требовал того же от окружающих. Бугурусланский капитан-исправник также был с ними очень любезен. Он предлагал пленным офицерам поселиться в дворянских усадьбах, где бы их гостеприимно встретили, но французы отказались, предпочитая жить скромно, но вместе.

Вагевир жаловался на мензелинского городничего, что тот задерживал положенные пленным ежедневные денежные выплаты, объясняя отсутствием соответствующего распоряжения. Офицеры даже хотели идти к нему на прием и потребовать этих денег, но накануне визита приказ выплатить деньги поступил. Вину за временное недоедание мемуарист тут же перенес на гражданского губернатора. Его же он обвинял в присвоении сумм по 100 руб., якобы положенных каждому офицеру на дорогу домой.

Белэ сообщил, что его друг, врач Брюггеман, вылечил сына губернатора. Позже, когда у офицеров появилась возможность вернуться домой раньше основной группы пленных, Белэ и Брюггеман предприняли поездку в Уфу, чтобы получить у губернатора положенные им, как они считали, деньги на обратную дорогу. В ожидании отлучившегося губернатора французы месяц жили в его дворце, где их приняла и окружила заботой его супруга. Вернувшийся губернатор вручил им подорожную и по 50 руб., что испортило их впечатление о нем. Белэ посчитал, что губернатор присвоил себе половину суммы, чтобы компенсировать таким образом траты за месячное пребывание французов в его доме. Ситуацию сгладил уфимский полицмейстер Караулов, которого [376] Брюггеман смог вылечить от мучившего его недуга. Во время пребывания Белэ и Брюггемана в Уфе он несколько раз приглашал их на охоту, а однажды устроил праздничный ужин. При отъезде пленных Караулов в благодарность обеспечил их хорошей каретой, набитой припасами, которых хватило на обратный путь.³⁴

О местном населении, как о дворянах, так и простолюдинах, мемуаристы в основном писали положительно или, в крайних случаях, снисходительно.

В Оренбурге Рюппеля и других пленных офицеров часто навещали русские офицеры, один из которых, по имени Раймунд Адамович, пригласил Рюппеля к себе на квартиру, где вкусно угостил его. Вечером Раймунд проводил пленника до казармы, где комендант как раз потчевал его товарищей по несчастью. На следующее утро новый друг показал Рюппелю город и провел на бастион, откуда открывался прекрасный вид. Это приятное знакомство просто осчастливило пленника, но после его отъезда из города обещавший писать Раймунд больше не давал о себе знать.

Вскоре последовал перевод части пленных в Бузулук, где к ним отнеслись так же любезно. Некоторых пленных офицеров русские дворяне взяли к себе в дом на содержание. Су-лейтенанта Сен-Дени принял гвардейский офицер Венский, су-лейтенанта

Мэлтара – госпожа Попалутова. Именно ей Мэлтар был обязан своим выздоровлением от лихорадки, которой он страдал еще с Москвы.

Рюппель с несколькими товарищами был приглашен в загородное поместье Покровское, принадлежавшее семье дворян Племянниковых. Они выехали туда на несколько дней с разрешения городничего. Гости были хорошо приняты господином Племянниковым и его многочисленной семьей. Вечером собрались соседские помещики, многие свободно говорили по-французски. Одной из тем разговоров стали победы русской армии, что ухудшило настроение пленных. Заметив это, хозяин дома запретил говорить о политике. Вскоре гостей пригласили за богато накрытый стол, который составил бы честь лучшему ресторану. Вечером при свете свечей старшие дамы и господа отправились к карточным столикам, а пленные пошли танцевать с девушками. После чая снова танцевали, и только в половине второго все разошлись. Следующий день также прошел в веселье и развлечениях, а вечером господин Племянников пригласил Рюппеля в кабинет и сообщил о намерении дать ему приют в своем доме. Это предложение, скорее всего, было продиктовано тем, что Рюппель был самым младшим среди пленных [377] офицеров – в ноябре 1812 г. ему исполнилось только 20 лет. Предложение было принято с благодарностью, хотя Рюппель несколько смутился перед своими товарищами, которые, впрочем, были рады за него.

На новом месте Рюппеля, по его словам, совсем избаловали, предоставив комнату, достаточно белья и одежды, выделив мальчика-слугу. Вскоре Рюппель слег от лихорадки и только искусство бузулукского доктора Якоба Штобойса, выходца из Пруссии, спасло ему жизнь. Навещать больного приходили многие молодые дамы, а госпожа Племянникова просиживала у постели целыми днями, пытаясь развлечь его, хотя говорила только по-русски. Благодаря постоянному уходу, Рюппель через несколько недель смог встать на ноги. Чтобы развлечь его, госпожа Племянникова пригласила в гости из Бузулука двух пленных офицеров. Когда позволила погода, хозяева начали устраивать своему подопечному конные прогулки и охоту, но после случайного падения того с лошади прогулки пришлось прекратить. Ближе к лету в Покровское стали приезжать гости, в числе которых вестфальцу посчастливилось познакомиться с Н.М. Карамзиным, известным историком и беллетристом.

Для смены климата, по приглашению друга семьи помещика Жданова, Рюппель совершил двухнедельную поездку в его поместье, в окрестностях Бугульмы. Там хозяин устраивал ему прогулки, охоту на озере, а по вечерам девять молодых служанок развлекали гостя, играя на балалайках и танцуя в народных костюмах, что приводило молодого человека в восторг. Он даже влюбился в одну из них, Веру, чей локон и пуговицу потом всегда носил с собой. Следующую поездку Рюппель совершил с Племянниковым в другое его имение, Степное близ Уральска. Там они занимались охотой и рыбалкой, страдая от надоедливых насекомых. Большое впечатление на Рюппеля произвел сосед-помещик Граченко, отставной поручик Ширванского полка, с которым он тоже сдружился.

День, когда Рюппель покидал губернию перед отправлением домой, стоил ему многих слез из-за расставания с любимившейся ему семьей Племянниковых. На прощание те подарили вестфальцу повозку с парой лошадей, снабженную вещами и продуктами, необходимыми для долгого путешествия.

Крестьянка, в доме которой в деревне К. жил Ноказ с денщиком, была довольно хорошей женщиной, но только когда ее квартирант был один. Если же к нему в гости приходили другие пленные, она говорила, что ей достаточно двух собак в доме, и что она не хочет, чтобы ее дом для них служил местом встречи.

[378] Переехав в Бугуруслан, Ноказ познакомился с помещиком Т., хорошо говорившим на французском языке. Их дружба стала очень близкой. Они часто обедали вместе. Т. также разрешил Ноказу пользоваться своей обширной библиотекой.

Однажды на улице Мензелинска с Вагевиром по-французски учтиво заговорил один господин и, удостоверившись, что тот является пленным офицером, пригласил на чай в дом своих друзей. Новым приятелем оказался местный помещик, отставной майор Степан Никитович Майоров. После хорошо проведенного вечера Майоров пригласил голландца пожить в своем поместье в 18 верстах от города. Он же уладил дела с городничим, согласившимся отпустить пленника под расписку, что тот не попытается бежать.

На следующее утро за мемуаристом приехала повозка, запряженная тройкой лошадей, которая отвезла его в поместье. Степан Никитович встретил гостя на пороге своего дома и познакомил со своей семьей – женой и тремя маленькими дочерьми. Вагевир был обеспечен комнатой и слугой – крепостным Яковом. Дни в имении проходили в конных и пеших прогулках, охотах и других развлечениях, а вечера – в карточных играх с окрестными помещиками. Так как Вагевир стал знаком уже многим, то его стали называть на русский манер Карлом Ивановичем. Используя голландский опыт, Вагевир дал Степану Никитовичу несколько хозяйственно-бытовых советов, которые тот с благодарностью стал применять у себя в поместье. Другие помещики тоже стали перенимать эти нововведения.

В мае 1814 г. мемуарист со Степаном Никитовичем посетил татарскую ярмарку, проходившую в 25 верстах от поместья в открытом поле. На голландца большое впечатление произвели не сколько товары, а вид татар, одежда и украшения женщин, конные состязания мужчин. В свою очередь татары, признав в нем чужеземца, окружили его и через Майорова стали задавать ему различные вопросы о его родине. Эта беседа очень позабавила Вагевира и Степана Никитовича.

Несколько раз голландец навещал своих товарищей в Мензелинске и всякий раз Майоров снаряжал в дорогу телегу с подарками для пленных офицеров – мукой, рыбой, мясом, вином и другими продуктами. Кроме того, отец Степана Никитовича, старый полковник, зимой отправил пленным повозку с теплой одеждой и обувью.

Во время одного из приездов в город Вагевир узнал об окончании войны и освобождении. Накануне отъезда он в последний раз поехал в имение Майорова, чтобы попрощаться и передать слова благодарности. [379] Хозяева при этом вновь выразили свое дружелюбие, а Яков пришел в комнату голландца и поцеловал его руку. Госпожа Майорова и дочери со слезами распрощались с Вагевиром, а Степан Никитович еще восемь верст сопровождал отъезжающих верхом на лошади.

Белэ вместе с другом, врачом Брюггеманом, в первую очередь благодаря последнему, часто бывал в домах бирских жителей на обедах. Позже он заметил, что местные дворяне сами стремились установить отношения с французскими офицерами. Это сближение произошло тем более легко, что большинство дворян хорошо говорило на французском языке и испытывало огромный интерес к европейцам, особенно это проявлялось со стороны женщин. Некоторые господа выписывали газеты, откуда пленные стремились получить новости о состоянии дел во Франции, что также способствовало стремлению французов в русские благородные дома.

Оказавшись в Уфе, Белэ и Брюггеман были очень хорошо приняты местным дворянством, которое оказывало пленным различные знаки внимания. А устроенный для них полицмейстером Карауловым праздничный ужин, стал началом бесконечной вереницы приглашений со стороны других дворян, которые, по словам мемуариста, оспаривали между собой право оказать им прием.³⁵

Положение пленных нижних чинов несколько отличалось от положения офицеров. Когда Циммерманн достиг одной из деревень Бузулукского уезда, он был серьезно болен, как и многие его товарищи. Их разместили по крестьянским домам, и некоторые хозяева не только были недовольны своими постояльцами, но и старались от них избавиться. Ночью они якобы выносили больных и беспомощных на улицу, где те замерзали насмерть. Утром властям сообщали о смерти пленного, а выяснением ее причин никто не занимался. Циммерманну повезло с хозяйкой, которая ухаживала за ним, освежая глотком

воды или молока. Даже спустя пятьдесят лет ганноверец вспоминал о ней с благодарностью.

Однажды в комнату вошел хорошо одетый господин, который по-немецки спросил больного, француз он или немец. Господин оказался доктором, урожденным пруссаком Штобойсом (о нем писал и Рюппель). Он осмотрел Циммерманна и пообещал прислать лекарства. Уходя, он поговорил с хозяевами, чтобы они продолжали ухаживать за больным. Через четверть часа пришел Илья, помощник доктора, и дал лекарство. Каждый день с докторской кухни Циммерманну приносили еду. Это продолжалось десять недель и он, наконец, выздоровел. На Пасху ганноверец [380] смог проделать путь до дома Штобойса, чтобы выразить ему свою благодарность. В дальнейшем он не раз бывал у доктора, и две его дочери охотно танцевали под флейту, на которой играл Циммерманн.

Дворяне из окрестных мест своим обращением с пленными солдатами подавали хороший пример простолюдинам. Они договорились между собой поочередно принимать как гостей в своих имениях некоторых солдат. Циммерманну дважды выпало счастье воспользоваться таким приглашением, чему он был обязан рекомендации доктора Штобойса, знанию французского и игре на флейте и гитаре. Позже он вспоминал, что жилось им в такие моменты действительно хорошо. Штобойс ввел его в семью своего друга помещика Жданова. Циммерманн со своей флейтой и гитарой был желанным гостем в их доме и получал от дам знаки их благодетельного участия. По его словам, грация и добродушие были украшением женщин в здешних благородных кругах.

Обычно же солдатам приходилось разделять образ жизни своих хозяев, русских крепостных, которые влачили жалкую жизнь. Однако и здесь Циммерманн нашел способ несколько улучшить свое положение и вызвать уважение в глазах крестьян. Достаточно было соблюдать некоторые религиозные обряды, например, креститься на иконы и перед приемом пищи. Это было единственным средством показать им, что он не язычник и верит в Бога, в чем они сомневались в отношении большинства других пленнх, которые вели себя не слишком умно. После того как Циммерманн приспособился к здешним обычаям, его никогда не обижали и не издевались, чему другие подвергались повсюду. Ему никогда не отказывали в деревянной чашке для питья или в ложке, что тоже часто случалось с его товарищами, а если же им предоставляли эти предметы, то их помечали, и сами больше никогда не использовали. Ганноверец смог войти в лучшие отношения со своими хозяевами еще и потому, что приложил старания, чтобы изучить русский язык; вскоре это удалось ему до такой степени, что он мог с ними свободно объясняться. В некоторых ситуациях, когда создавалось непонимание, Циммерманн служил в качестве переводчика. Так он заработал определенный авторитет, который позволял ему самому разговаривать в угрожающем тоне и не встречать возражений.

В июне 1814 г. отправлявшиеся домой немцы достигли Бугульмы. Посреди ночи в городе возник пожар, который со скоростью ветра перекидывался с одного дома на другой. Проснувшиеся пленные растормошили остальных и выскочили на улицу. С согласия властей они стали разрушать дома на границе огня. Скоро пламя было остановлено, [381] и оставшаяся часть города была спасена. Жители удивлялись и восхищались готовностью пленнх помогать им. Громкими возгласами они благодарили их и с добрыми пожеланиями проводили дальше. Кстати, Вагевир, проезжавший через Бугульму в середине июля, отметил, что большая часть города уничтожена пожаром, а жители ютятся в хижинах, возведенных в открытом поле, и палатках.³⁶

Бытовые условия содержания пленнх были, за некоторыми исключениями, вполне удовлетворительными. Им отводились пустующие казармы или дома обывателей. Кроме этого, пленные офицеры могли снимать жилье за свой счет или переезжать на жительство по приглашению в дворянские дома. В большинстве случаев пленные обеспечивались постелями, посудой, дровами, водой и прочим необходимым.

Рюппеля с другими пленными в Оренбурге поселили в достаточно приличной казарме, где в то же время жили инвалиды. Пленных снабдили войлоком, теплыми покрывалами и горячей едой, которая состояла из капустного супа, жареной рыбы и гречневой каши.

Вскоре часть пленных была переведена в Бузулук, где их расселили по избам. Рюппель с двумя офицерами оказался в маленьком помещении, большую часть которого занимала печь. Спали на ней и на лавках у стен. Домашняя утварь состояла из нескольких железных горшков, пары деревянных тарелок, ведра и топора. Было решено разделить обязанности по дому. Лейтенант Пулевский взял на себя кухню и закупки, унтер-лейтенант Шнупхазе – поддержание огня, уборку в комнате и подобные домашние работы, Рюппель должен был ежедневно колоть доставляемые дрова и таскать воду. Домашние работы, такие как перебирание гороха, чистка репы, оттирание горшков, требовали столько времени, что пленные не могли жаловаться на скуку. Поляк Пулевский, хорошо владевший русским языком, не уступал лучшим фурьерам и вполне прилично всех кормил. Другие офицеры также создали общие хозяйства. Часть из них имела рядом солдат, которые помогали им.

Циммерманн, как и другие солдаты, жил в простой крестьянской избе, где, по его словам, влачил жалкое существование. Худшее неудобство в таком жилище составлял ужасный дым, который заполнял помещение при растопке большой печи, лишенной дымовой трубы, и угарный чад, проникавший через все щели после того, как огонь разгорался. Пленным не разрешалось подниматься в верхнюю часть комнаты, им отвели угол на крайних лавках у пола, и оттуда они не должны были высовываться. Помещение кишело всякого рода вредными насекомыми, множество [382] тараканов днем и ночью бегали по скатерти и стенам и будили спящих, падая на них. Одно из немногих, что радовало – дешевизна продуктов.

Ноказ с четырьмя товарищами в деревне К... был размещен в отдельной комнате, очень маленькой, но пригодной для жилья. Здесь пленные находили возможность достать себе качественное и дешевое продовольствие. Однако вскоре они были переведены в Кинель-Черкассы, где Ноказ с солдатом своего полка оказался в одном помещении с четырьмя крестьянами, кобылой, тремя телятами, десятью овцами и 28 другими мелкими домашними животными. Часто бывало, что за ночь овцы съедали всю солому, на которой спал француз, а утром его будили телята, которые лизали ему лицо. При этом Ноказ отмечал, что ему еще повезло, так как некоторые его товарищи оказались в доме со свиньями. Но и здесь воздух был наполнен запахом навоза шести видов животных. Лишь через несколько месяцев Ноказ был переведен в Бугуруслан, где жилищные условия были приемлемые. Здесь он вел общее хозяйство с семьей другими офицерами, занимаясь закупкой продуктов, которые были крайне дешевы. К своему стыду, он взял за обычай по пути на рынок заходить в кабаки, где выпивал водки. Бороться со скукой Ноказу помогали французские книги, которые он брал читать у местных дворян. Особо понравившиеся книги он даже переписывал, рассчитывая увезти с собой во Францию. Длинные вечера скрашивал и красивый триктрак, который сделал ему солдат, искусный столяр-краснодеревщик.

Проходивший через Бугульму Вагевир жаловался на плохие квартиры, а вот в Мензелинске решить эту проблему оказалось очень просто – достаточно было договориться с присматривающими за ними инвалидами за стакан водки и пятак перевести их в другую квартиру. Шестеро голландцев жили вместе и вели совместное хозяйство. Получаемого офицерского жалования хватало, чтобы жить хорошо, особенно по местным меркам. По средам в городе действовал рынок, куда окрестные жители, в основном татары, свозили различные продукты, рыбу, дичь. Все стоило очень дешево.

Белэ писал, что пленные офицеры объединялись в группы по пять-шесть человек для совместного питания. Готовили им, как правило, их же солдаты. Белэ повезло, так как старший их группы любил хорошо поесть и заботился, чтобы на стол попадали изысканные блюда. На общественной мельнице пленные покупали белую муку, и один из солдат, бывший подмастерьем у булочника, пек замечательный хлеб. Старый рыбак

поставлял им чудесную рыбу по небольшой цене. Дичь также стоила недорого, особенно зайцы и кролики, которых крестьяне не ели, а использовали [383] только шкурки. Некоторые офицеры злоупотребляли спиртным вместо того, чтобы тратить деньги на покупку белья или одежды. Их товарищи неодобрительно относились к этим возлияниям.³⁷

Занятия пленных, в зависимости от ситуации, были способом либо улучшить материальное положение, либо скрасить время плена.

В Бугуруслане один французский солдат купил игральные карты и, представляясь пророком, шарлатанством выманивал у доверчивых крестьян деньги. «Пророк» поселился в доме бедного русского дворянина, который стал его помощником в мошенничестве. Жертвы, которые приходили в дом, ждали «пророка» в одной комнате, а тем временем русский заводил с ними разговор. Словоохотливые крестьяне рассказывали о причинах, которые привели их сюда, а француз тем временем подслушивал в соседней комнате. Потом он выходил и удивлял крестьян, сообщая им, что знает причину, по которой они пришли. Понятно, что после этого крестьяне верили всему, что он им говорил, а оба плута делили полученную выручку. Однажды солдат унес сушившееся белье и спрятал его в стоге сена. Когда же крестьянин пришел к нему за советом, «пророк» за соответствующую плату «предсказал», где найдется пропажа. В другой раз он попробовал себя в роли врача, когда к нему пришли по поводу одного больного. Француз сначала отказывался лечить, но когда ему предложили крупное вознаграждение, не удержался и дал порошок из сушеных и истолченных трав. На удивление больной выздоровел, но в дальнейшем солдат не стал рисковать и занимался только картами. Надо отметить, что услугами «пророка» пользовались не только крестьяне, но и благородные дамы, желающие узнать новости о русской армии, которых они довольно долго не получали.

Некоторые пленные наладили производство соломенных шляп, которые успешно сбывались местным модницам, другие делали красивые кубики для игры в кости, которые также пользовались спросом.

Циммерманн научился плести кольца из конского волоса. Волос сначала красили в горячей воде, в которую клали куски воротников и обшивки с военной формы, в зеленый, желтый и красный цвета. Потом он искусно сплетался в кольца с именами или девизами, которые продавались или дарились.

В Бирске один шустрый парижанин открыл кабачок под названием «Парижское кафе», который посещали не только пленные, но и местные жители. Здесь подавали чай, кофе, плохое пиво и ржаную или картофельную водку, была там и оборудованная курительная комната.

[384] Иногда пленные нанимали у крестьян повозки и ехали кататься по красивым окрестностям Бирска. Особенно любили гулять на берегу р. Белой. Один из пленных, офицер Роллан, окончивший Политехническую школу, предложил друзьям в свободное время делиться знаниями, которыми они владели. Из 60 офицеров 14 согласились и скоро, под критику и насмешки менее трудолюбивых товарищей, начались занятия в кружке, шутливо названном Ученым советом. Роллан преподавал математику и арифметику, а позже алгебру и геометрию, причем объяснял все так ясно, что многим было понятно с первого раза. Боясь утомить своих слушателей абстрактными понятиями, Роллан одновременно вел курс литературы и истории французской литературы. Доктор Брюггеман сделал обзор обществознания, ботаники, физики, астрономии и медицины. Капитан Валлен заставил вспомнить всю историю Франции, а начальник батальона Ландваузен, первоклассный оратор, великолепно обрисовал картину правления Наполеона, подробно разобрав Русскую кампанию. Зимой занятия Ученого совета проходили в «Парижском кафе», весной часто переносились за город, на природу. Многие слушатели получили большое удовольствие от такого образования и даже пытались воспроизвести полученные знания в тетрадах. Постепенно Ученый совет расширялся за счет все новых и новых слушателей.³⁸

Как видно, положение военнопленных в Оренбургской губернии было в целом удовлетворительным. Основные проблемы были связаны с зимой 1812/1813 гг., впоследствии же большинство из них было решено. Если говорить о взаимоотношениях людей как подданных воюющих между собой держав, то нужно отметить, что озлобления, резко негативных эмоций между ними, кроме редких случаев, не было, и поведение самих пленнх во многом определяло отношение к ним со стороны администрации и обывателей. Это, в свою очередь, позволяло впоследствии многим участникам этих событий с хорошими чувствами вспоминать о том времени, когда война свела их вместе.

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 319. Л. 3.

² Журнал исходящих бумаг канцелярии московского генерал-губернатора графа Ростопчина // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны, изданные П.И. Щукиным. М., 1908. Ч. 10. С. 153, 158, 164.

³ Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 1–2, 4, 4об, 15, 24–31, 39, 39об; Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, Вып. 7. 1907. С. 163.

⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 1–3, 9, 9об, 172, 172об, 465, 728.

⁵ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1. Оп. 4. Т. 2. Л. 13об; ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 1–2, 9, 65–67об, 95, 97, 200–202об, 221, 276, 277, 306; Журнал исходящих бумаг... // Ч. 10. С. 153; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.: Сб. документов под ред. Л. Бескровного. М., 1962. С. 132–134; Де Пуле: Отец и сын // Рус. вестн. 1875. № 4. С. 506–508.

⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 77, 77об, 203, 203об, 206, 206об, 264–265об, 309, 401, 404, 471, об.

⁷ Там же. Л. 109, 121–122, 129, 129об, 230, 230об, 240, 395, 395об, 397, 397об.

⁸ Rüppel E. Kriegsgefangen im Herzen Russland. B. 1912; Zimmermann Ch.C. Bis nach Sibirien: Erinnerungen aus dem Feldzuge nach Russland und aus der Gefangenschaft 1812–1814. Hannover. 1863; [Noucase P.] Voyage d'un officier francais, prisonnier en Russie, sur les frontières de cet empire, du côté de l'Asie. P., 1817.

⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 65, 93–99об, 106–108, 365–371об.

¹⁰ Там же. Л. 380, 380об, 539.

¹¹ Там же. Л. 229–233.

¹² Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 271; ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 569, 686, 686об, 708, 711, 711об, 727, 797, 797об; Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 17. Л. 371; Казанские известия. 1813. № 35, 44.

¹³ Wagevier C.J. Aanteekeningen gehouden gedurende mijnen marsch naar, gevangenschap in en torugreize nit Russland in 1812, 1813, 1814. Amsterdam, 1820; Belay H. Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée. P. 1907.

¹⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 601, 666, 682–684об, 725, 796, 798, 837; Казанские известия. 1813. № 23.

¹⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 857, 859; Юдин П.Л. Ссылные 1812 г. в Оренбургском крае // Рус. архив. 1896. № 3. С. 24–26; Хованский Н.Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне. Саратов, 1912. С. 236.

¹⁶ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 777. Л. 317–319; Ф. 1409. Оп. 1. Д. 657. Л. 203, 203об; ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 579. № 2761, 3013, 4315.

¹⁷ ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 17. Л. 414, 475, 513; Юдин П.Л. Указ. соч. С. 24; Казанские известия. 1813. № 36; Rüppel E. Op. cit. S. 169.

¹⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 805, 840, 840об, 877; Zimmermann Ch.C. Op. cit. S. 36–37.

¹⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 842, 840об; ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 18. Л. 148; Belay H. Op. cit. P. 150, 155, 176; Wagevier C.J. Op. cit. S. 153–154; Материалы по историко-статистическому описанию... С. 197.

²⁰ [Naucase P.] Op. cit. P. 197–201; Belay H. Op. cit. P. 180.

²¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 859, 862, 864.

²² РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 776. «Книга о пленнх, оставшихся в России»; ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 678; Оп. 10. Д. 4053. Л. 194об–195; Юдин П.Л. Указ. соч. С. 32–33; Его же. Французы-казаки // Оренбургские губернские ведомости. 1892. № 32; Французы-казаки // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Оренбург, 1913. Вып. XXIV. С. 58; Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. Оренбург, 1962. С. 75.

²³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 314–315об, 323, 545–546об, 708, 725, 725об.

²⁴ Там же. Л. 500–503об, 507, 657, 664, 664об, 877.

²⁵ Бессонов В.А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. М., 2005. (Труды ГИМ. Вып. 147). С. 65–66.

²⁶ Belay H. Op. cit. P. 157, 171–172; Wagevier C.J. Op. cit. S. 153, 156–157; Матвиевский П.Е. Указ. соч. С. 75.

²⁷ ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 18. Л. 221.

²⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 579. № 2761; ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 17. Л. 513; Д. 18. Л. 113, 153, 154.

---

²⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 588, 588об, 597.

³⁰ Там же. Л. 828.

³¹ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 579. № 2757, 2761; ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 18. Л. 144, 153.

³² ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 841; Belay H. Op. cit. P. 151–152.

³³ Об их атрибуции см.: Попов А.И., Хомченко С.Н. Установление авторства анонимных мемуаров // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2007. (Труды ГИМ. Вып. 166). С. 215–223.

³⁴ Rüppel E. Op. cit. S. 141, 144; Zimmermann Ch.C. Op. cit. S. 16–17; [Noucase P.] Op. cit. P. 32–33, 154–155, 197; Wagevier C.J. Op. cit. S. 118–119, 156–157; Belay H. Op. cit. P. 157, 170–173.

³⁵ Rüppel E. Op. cit. S. 144–147, 149–169; [Noucase P.] Op. cit. P. 51, 104–105; Wagevier C.J. Op. cit. S. 126–143, 146–148, 154–155; Belay H. Op. cit. P. 132, 135, 166, 172–173.

³⁶ Zimmermann Ch.C. Op. cit. S. 26–27, 29–30, 32, 36, 38; Wagevier C.J. Op. cit. S. 158.

³⁷ Rüppel E. Op. cit. S. 147–148; Zimmermann Ch.C. Op. cit. S. 30–31; [Noucase P.] Op. cit. P. 50–52, 105, 116, 123–126; Wagevier C.J. Op. cit. S. 117–118, 120–121; Belay H. Op. cit. P. 136, 139.

³⁸ [Noucase P.] Op. cit. P. 159–163, 197; Zimmermann Ch.C. Op. cit. S. 33; Belay H. Op. cit. P. 139–143.